

Эдуард КОЧЕРГИН:

“Мои ученики” захватили город

Это приятно

“ИСТОРИЯ лошади” и “Дядя Ваня” Товстоногова, “Дом”, “Братья и сестры” Додина - у этих и многих других легендарных спектаклей есть помимо режиссера еще один автор - замечательный петербургский художник Эдуард КОЧЕРГИН. Всего же за тридцать лет работы в театре им сделано более двухсот, в том числе и раскиданных по всему свету, спектаклей. Экспресс “Красная стрела” стал для Кочергина привычным и утомительным, как пригородная электричка для весеннего дачника. Дел очень много, много интересных предложений, связанных в том числе и с постоянной работой на Западе. Его знают и ждут во Франции, Англии, в Канаде, Финляндии, Германии, США и Японии...

У НАС очень хорошая школа сценографии, - говорит Эдуард Степанович, - просто колоссальная, и, что важно, европейская. И корни этой школы - в восемнадцатом веке, в работах итальянцев Валериани и Гонзаго, служивших в петербургских театрах. Если брать более позднее время, XIX век, - там другой поворот, след работы “театральных техников”, которыми императорские театры приглашали из Германии.

Во второй половине XIX века в театр пришли соотечественники, собственно живописцы - Васнецов, Polenov, Валентин Серов. Наконец на рубеже веков появляется “Мир искусства”. Все без исключения художники - “мирискусники” работали в театре, с большим удовольствием и успешно. Именно они и прославили наш театр по всему миру. “Дягилевские сезоны” в Париже нельзя представить без театральных работ Сомова, Добужинского, Головина, Судейкина, Бакста. Возьмем 20-е годы: в театр приходит еще одно талантливое поколение. Это Любовь Попова, работавшая с Мейерхольдом, и, конечно, Татлин. Ни одна страна мира не имеет таких имен, такой истории. Разве что Италия. Не случайно ведь, когда в 60-70-е

годы нас допустили к участию в международных выставках по профессии, мы и награды сразу стали забирать подчистую. Школа имеет продолжение и в настоящем. В отличной форме Боровский, Бархин, Левенталь, Китаев, Олег Шейнцис, ученики мои на подходе. Такого количества имен просто нет нигде.

- А мода? Кто диктует сценографическую моду, если она существует?

- Мы же и диктуем. Хотя тут, конечно, не все так просто. Вообще-то нам трудно равняться по меркам мировой моды. Там идет такое колоссальное использование новейших технологий, которое нам и не снилось. Я в прошлом году делал спектакль в Канаде для шоу-фестиваля и, конечно, ничего подобного у нас сделать бы не смог. У нас просто нет такой световой аппаратуры, таких проекционных, таких механизмов. А о некоторых материалах мы даже не слышали.

Но именно в этом, видимо, и заключается сила нашей школы. Мы все эти причуды заменяем какими-то более простыми и глубокими вещами. Точнее проникаем и выражаем смысл явлений.

А если говорить о каких-то культурологических посылах мировой моды, то идет мощный разворот в “ретро”. Надолго ли, не знаю. мода меняется очень стремительно, наши идеи, проекты реализуются скорее, чем в любой другой сфере изобразительного искусства и дизайна. нас ведь не художниками там называют, а дизайнерами.

- Один из ваших проектов, назовем его “ретро-проект”, связан с воссозданием артистического кафе “Бродячей собаки”...

- Да, я с удовольствием этим занимаюсь. И впервые выступаю в качестве дизайнера театрального интерьера. Это очень интересно, потому что мы не занимаемся рес-

тавацией в прямом смысле слова. Просто в 1910-х годах именно театральные художники создавали интерьеры “Бродячей собаки”, места, где “фармацевты общались с поэтами”. Поэтому я просто продолжаю традицию. Это будет место, артистический клуб, где соберутся писатели, артисты, художники и меценаты. Думаю, что в городе должен появиться “источник возбуждения” - место, центр, где собиравались бы представители всех цехов культуры. И люди, которые имеют возможность ее финансировать. Я, например, с банкирами незнаком и никогда их не видел, но мне интересно было бы узнать, что они “смекают про дальнейшее”, про будущее. А иногда надо просто, без всяких банкиров, “выпустить пар” после тяжелой работы, после премьеры. И всем повеселиться, но не примитивно, а так, по-хорошему, достойно.

- Давайте, Эдуард Степанович, вернемся к театральным делам. Я вижу, как художники, особенно в спектаклях последних лет, используют все чаще фрагменты старых декораций. Я вижу фраки, пошитые из дерюги, из мешковины. Слишком много ткани там, где должен быть металл или дерево. Думаю, что к моде это не имеет отношения...

- Конечно. Отсутствие дотаций, бывшего государственного финансирования здорово по театрам ударило. Нищета и все такое. Но я точно могу сказать, что это не сегодня появилось, проблемы были и раньше. Деньги всегда считали, даже тогда, когда театры находились на дотации. В нашей профессии никогда не было социализма в примитивном понимании. Это всегда был довольно жестокий спорт. Если я, предположим, делаю плохие декорации, театр моментально прогорает на крупные деньги, потому что актерам в них плохо. Даже в советское время, при всех субсидиях на культуру, директора не могли бесконечно растягивать карман. Мы всегда отвечали за средства, вложенные в нашу идею.

- Но если ваш ученик, студент выпускного курса Академии художеств, не может

осуществить в материале свою затею именно потому, что театр не в состоянии ее оплатить, - это ведь наносит удар по профессии?

- Да, наносит. Молодым сейчас сложно выйти на поверхность. Мне, как ни фантастично это звучит, было легче. Сегодня брать стараются уже проверенных людей, спещу, чтобы не прогореть. Если так и дальше пойдет, для молодых такой “атак” наступит! Им ведь действительно очень трудно, я по своим студентам сужу. Раньше на стипендию свою они все-таки ели, не падали в обморок от голода, а сейчас падают. И это аукнется довольно скоро.

- Вы следите за судьбой своих учеников, составляете им протекцию?

- Ну конечно. Тем, кто имеет на это право, обязательно! Но не всем. Иные так могут подвести, что к тебе самому потом уже никто не обратится.

- Успех любого спектакля связывают сначала с именем режиссера, потом с работами актеров. До имени художника зрительская молва доходит иногда в последней очереди. Или не доходит вовсе. Не обидно?

- Да нет, мы же делаем одно дело. Главная соль взаимоотношений режиссера и художника в том, чтобы использовать во благо спектакля наработанные веками категории изобразительного искусства. Великие, крупные режиссеры понимают, что это - огромная помощь и отказываться от нее - грех. Я трудился с Товстоноговым, Эфросом, Додиним, другими мощными режиссерами, и так получалось, что мы всегда могли договориться. Когда я с Юрским делал “Мольера”, он почему-то не словами, а движениями рук показывал мне “Квадрат” Малевича. Я и сделал ему этот “Черный квадрат” в пространстве, как он просил. И спектакль вышел замечательный.

- Более двадцати лет назад вы делали в Театре комедии декорации к спектаклю “Село Степанчиково и его обитатели”. Сейчас начинают репетиции нового спектакля по этой же повести в вашем родном театре, в БДТ.

Насколько изменилась ваша задача?

- Да, я уже во втором кругу пошел. В ту пору Достоевский находился в ряду писателей “описывающих мрачные стороны жизни”. Примерно так и ставили. Но если “Село” перечитать сейчас - очень много веселого можно найти, смешного. Там колоссальный заряд иронии. И комическая сторона станет, видимо, одной из главных в будущем спектакле. Не комедия, конечно, получится, но трагикомедия. Оглянитесь вокруг - Фомы Опискины так и шныряют со своими безобразными предвыборными речами. Думаю, наш спектакль будет восприниматься с колоссальной долей юмора. А юмор - хорошая вещь. Если его не будет - мы погибнем.

- Насчет погибели. В спектакле “Вишневый сад” в БДТ вы заключаете всю “уходящую культуру” в домовину гроба. Все так безнадежно?

- Это, конечно, сложный вопрос. Если беда, которая постигла наш театр, будет продолжаться, одни просто вымрут, а другие уедут. Отток уже начался, хотя пока это еще не очень заметно. Наши ребята все чаще работают за границей. Все, к сожалению, повторяется. Ведь уехала в 20-е годы масса художников, то же и сейчас может произойти. Наши опять начинают потихоньку скупать. Научными кадрами пополнили закрома, теперь дошла очередь и до художников.

- Вам ведь тоже наверняка предлагали уехать надолго, навсегда, что же удерживает?

- Я ведь родился здесь, здесь мои корни, ученики. Мне очень интересно смотреть, как они работают, развиваются, взрослеют - Саша Орлов, Оля Земцова, Валера Викторов. Мне интересно наблюдать, как бережно они принимают груз передаваемой культуры. И развлекает то, что они по существу “захватили город”. Это приятно. И еще одно. Я как-то Николаю Павловичу Акимову - это было в 1965 году - в ответ на его предложение набрать курс художников-постановщиков, сказал, что, дескать, молодой еще, подучиться бы надо, не готов и прочее. А он подошел к окну в своем кабинете, оно выходило на Невский: “Эдик, - говорит, - преподавать нужно! И жить в этой стране имеет смысл только ради того, чтобы культура не прерывалась, сохранялась. Иначе, - он отодвинул портьеру, - иначе на этот проспект скоро нельзя будет выйти...”

Беседу вел
Игорь ЕВСЕЕВ

См. - С-175 - 1996 - 4 экз. - СС

4.1.96.

Кочергин Эдуард